

УЛИЦА КУЛДИГАС

Улица Кулдигас
в Курземском районе Риги
от улицы Даугавгривас
до станции Засулаукс.

Но мне не нужно на станцию,
я не поеду в Дзинтари.

Я просто сойду с трамвая
на улице Слокас дом 40
и пойду по улице Кулдигас,
по правой её стороне.

По правой её стороне
за низенькими оградами
дома в глубине деревьев,
с деревьев свисают ветки,
на ветках дрожащие листья.

«Немцы считали, что русские
они немножечко варвары,

потому что срывают листья
и теребят в руках», —

так говорил дядя Веня,
хотя он не был мне дядей,
когда я ребёнком сорвал листок.

Он жил подальше, надо было
пройти по Кулдигас,
до станции Засулаукс
и куда-то ещё немного,
но я не помню уже,
и мне не нужно на станцию,
я не поеду в Дзинтари,
я не хочу на море,
море я не люблю.

Я просто пойду по Кулдигас,
по правой её стороне,
листок теребя в руке.

Вот дом на той стороне,
дом 18 А,
дом, где жила та девочка,
играла на пианино
и говорила: «Латышский
я не люблю язык,
какой-то он весь свистящий,
это не нравится мне,
учительница ругает,
потому что дура она».

Напротив, за низким забором
дом стоит в глубине,
дом 23 А,
и дерево.

Я помню другую девочку
на пляже у края моря,
кажется, где-то в Дзинтари,
где очень мелкий песок,
где очень мелкое море,
идёшь и идёшь, а вода по колёно.

Там ещё были сосны,
сосны стояли в песке,
это было красиво.

Тогда мы назначили встречу,
там, на бульваре Райня,
где угол с бульваром Бривибас,
там, где доходный дом,
в котором было гестапо,
а позже НКВД,
а позже их КГБ,
потом там была полиция,
а ныне музей оккупации,
откуда прекрасно виден
памятник их Свободы,
где на вершине девушка Мильда.

Я бегал тогда по Риге
с фотоаппаратом «Весна»,
снимал пруды и деревья,
и, конечно, девушку Мильду.

А раньше другая Мильда
Ивановна Родэ,
жила в квартире 11,
дом 57
по улице Бакунинской,
но это, конечно, в Москве,
там, где я и родился,
и жил в коммунальной квартире,
в той, что номер 11.

В гости к Мильде Ивановне
ребёнком я приходил,
мы говорили о жизни
и вышивали вместе,
я вышивал крестиком,
а Мильда Ивановна гладью.

И там я нарисовал,
а может быть, начертил,
на ватманском белом листе
высотное здание МГУ
на Ленинских горах

пророчески,
там я потом учился
с 12 по 16 этаж.

С Мильдой Ивановной Родэ
мы ходили гулять в Сокольники,
а на обратном пути
я говорил, что при коммунизме
денег не будет, они не нужны.

А Мильда Ивановна Родэ
не верила мне
и говорила:
«Как же без денег!»

Я ждал на углу
у доходного дома,
глядя на девушку Мильду,
там, на вершине,
ждал я ту девочку,
но она не пришла.

Мне потом объяснили: «Она латышка.
Она не будет дружить с тобой,
потому что ты русский».

Я не поеду в Дзинтари,
я не хочу на море,
море я не люблю.

В Домском соборе
звучит органная музыка,
по улочкам старого города
бродит маленький мальчик
с фотоаппаратом «Весна».

А здесь, на улице Кулдигас
я помню вот это дерево,
очень большое дерево,
перед парадной дверью.

Дом 23 А,
в котором жила моя бабушка,
моя еврейская бабушка
Александра Ефимовна.

Дом этот строили немцы,
а потом там жила моя бабушка,
но, конечно, после войны,
если б жила она раньше,
она бы уже не жила,
и в Ригу я не приезжал бы
на школьных летних каникулах.

В доме три этажа,
не помню, сколько семей,
и большая терраса с видом на сад,
где у каждого свой участок.

Бабушкин муж выращивал яблоки
белый налив,
а бабушка — георгины.

А за садом был сад.
Ботанический.

Там, на террасе сосед
облил меня пивом,
когда я был маленький,

но это не помню.
А соседа помню,
у него была бородка.

Мы с бабушкой на рынке
покупали шпроты
и возвращались на трамвае
на улицу Кулдигас
23 А,
где в комнате стояли георгины
и яблоками пахло.

Из радиолы «Даугава»
неслись чужие голоса,
крутил я ручки,
бегала полоска.
Тогда была война.
Другая, шестидневная война.
«Ну, как там, наши побеждают?»
— спрашивала бабушка.
Так я узнал, что бабушка еврейка.

Я помню старую еврейку,
Себя в нелепой тубетейке,
Две груды яблок на столе,
И георгины в хрустале.

Я написал тогда рассказ
«Улица, на которой растут каштаны»,
где на улице,
на которой растут каштаны,
я встретил человека
низенького роста,
такого кругленького
и с короткими руками,
в пальто осеннем.

В кабачок зашли и сели в уголке.
Он заказал бутылку
молдавского вина
и объявил, что платит он,
и предложил мне выпить
за здоровье.

